

А. С. Норов

Иерусалим и Синай

**Записки второго путешествия
на восток**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. С. Норов**
Иерусалим и Синай: Записки второго путешествия на восток / А. С. Норов –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 198 с.

ISBN 978-5-4241-9841-0

ISBN 978-5-4241-9841-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Имя Авраама Сергѣевича Норова, для большинства его современниковъ, тѣсно связано съ священными именами: Иерусалима, Иордана, Виллеема и Назарета. Невольно, при упоминовеніи о сихъ послѣднихъ, возстаетъ въ памяти, столь извѣстный его современникамъ, почтенный обликъ Авраама Сергѣевича, тепло и сердечно относившемуся, не смотря на свои сѣдины, ко всему хорошему, высокому и свѣтлому, одного изъ послѣднихъ представителей того поколѣнія, о которыхъ съ сожалѣніемъ приходится сказать, — они были. Разбирая причины этой связи, слѣдуетъ сознаться, что ихъ слѣдуетъ искать не въ новости предмета его изысканій, такъ какъ сочиненіе его появилось даже послѣ книги о томъ же предметѣ А. Н. Муравьева; ни въ особой учености, такъ какъ, отправляясь въ первое путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, онъ не былъ подготовленъ къ нему болѣе каждаго обыкновеннаго паломника; наконецъ, не въ блестящемъ изложеніи, ни въ великолѣпномъ изданіи лежитъ эта связь. Ее слѣдуетъ искать въ томъ религіозномъ чувствѣ, въ той безпредѣльной любви къ Святой землѣ, которая неразрывно жила въ немъ, наполняла всю его жизнь и инстинктивно чувствуются на каждой страницѣ его книги.

Мысль о путешествіи въ Святую землю и Египеть, о посѣщеніи священныхъ береговъ Иордана и Нила зародилась у Авраама Сергѣевича Норова, едва ли не въ первые годы его молодости. Лѣтомъ 1820 г. онъ, 25-ти лѣтній, тогда гвардейскій полковникъ, потерявшій ногу на поляхъ бородинскихъ, провелъ нѣсколько времени на мызѣ Шварценбекъ близъ Ревеля, одновременно съ барономъ (впослѣдствіи графомъ) М. А. Корфомъ, который отмѣтилъ въ своихъ запискахъ подъ 17 іюлемъ того же года: «Польковникъ (Норовъ) сооб-

шилъ мнѣ планъ путешествія, которое онъ съ нѣсколькими молодыми людьми предполагалъ совершить прошлою зимою и которое не состоялось по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Начавъ Одессою, они хотѣли посѣтить Константинополь, Морею, Архипелагъ, затѣмъ Иерусалимъ, развалины Пальмиры, древній Тиръ, часть Египта и вернуться въ Россію черезъ Италію, Францію и Германію. Какъ жалко, что такой прекрасный планъ не осуществился. Чего бы не далъ я, чтобъ когда нибудь осуществить что-либо подобное, въ особенности въ обществѣ человѣка, похожаго на любезнаго Норова. *) Мысль о подобномъ путешествіи, въ особенности для того времени когда она была задумана, представляетъ явленіе совершенно новое. До 1812 г., то незначительное число русскихъ, переступавшихъ за границы своего отечества, составляли или поклонники направлявшіеся въ Святую землю, Синай и на Аѳонъ, или туристы ѣхавшіе на западъ, въ Европу, посмотрѣть тамошнюю жизнь. На сколько мнѣ кажется, планъ предложеннаго путешествія Авраама Сергѣевича, не носить ни того, ни другаго характера; въ немъ выразились оба вліяющія тогда на него настроенія. Одно изъ нихъ была его любовь къ греческимъ и римскимъ классикамъ, творенія которыхъ онъ читалъ въ подлинникъ и которое влекло его въ Грецію, куда манили его, по собственному его выраженію, поэтическія мечты юншества, глубоко запавшія въ его воображеніе. Другое, которымъ онъ платилъ дань общепринятому тогда духу современнаго общества, заключалось въ его любви и предпочтеніи отдаваемымъ имъ французской литературѣ... «вечеромъ, мы долго съ нимъ разговаривали», пишетъ 14 іюня того же года графъ М. А. Корфъ въ своихъ вышеупомянутыхъ запискахъ; «онъ мнѣ кажется весьма образованнымъ и знающимъ человѣкомъ. Онъ прочиталъ и изучилъ русскихъ и французскихъ поэтовъ, и знакомъ также съ литературою пѣмецкою, а равно, какъ кажется, съ языкомъ и твореніями римскихъ классиковъ. Но

*) Le colonel m'a communiqué un plan que lui et plusieurs autres jeunes gens avaient projeté en commun pour l'hiver dernier, mais que différents obstacles imprévus ont fait échouer. Leur intention avait été de commencer par Odessa, pour aller voir Constantinople, la Morée et les îles de l'Archipel, puis de visiter Jerusalem, les ruines de Palmyre, l'antique Tyr et une partie de l'Égypte, enfin de revenir en Russie par l'Italie, la France et finalement l'Allemagne. Quel dommage, que ce beau plan n'est resté qu'un rêve et que n'aurai-je pas donné pour effectuer un jour quelque chose de semblable, surtout en compagnie de quelqu'un, qui ressemblait à l'aimable Noroff.

онъ предпочитаетъ, какъ многіе впрочемъ, французскій театръ, несравненнымъ драматическимъ твореніямъ Шиллера, Гете, Лессинга, Грильпарцера и др. Въ его глазахъ скучная Аталія, разсуждающій Тонкредъ и тяжелый Сидъ несравненно выше Маріи Стюартъ, Іоанны д'Аркъ, Эмили Галотти, Сафо и гордаго Геца фонъ-Берлихингена... Нашъ разговоръ по этому предмету продолжался долго, но мы никакъ не могли сойтись». *) Если мы затѣмъ вспомнимъ, какъ во времена первой имперіи вошли въ моду крестовые походы и средне-вѣковое рыцарство при своеобразномъ романтическомъ освѣщеніи; то я полагаю, болѣе чѣмъ возможнымъ, что первую мысль въ Авраамѣ Сергѣевичѣ къ путешествію на Востокъ и въ Грецію заронилъ бывшій тогда въ апогѣй своей литературной славы — Шатобрианъ и въ особенности описаніе его путешествія изъ Парижѣ въ Іерусалимъ. Книга эта, незабытая теперь только благодаря имени ея автора, пользовалась, именно около 20 годовъ нынѣшняго столѣтія, большою извѣстностью даже у насъ въ Россіи, гдѣ въ 1816 г. одновременно изда ны были два ея перевода.

Начавшійся вслѣдъ затѣмъ: греческое возстаніе и замѣпательства въ Турціи, на долго отстранили осуществленіе завѣтной цѣли Авраама Сергѣевича. Хотя онъ въ 1821 и 1822 годахъ посѣтилъ Италію и большую часть Европы, но онъ умеръ не посѣтивъ Греціи и только черезъ 14 лѣтъ, постѣ приведеннаго выше разговора на мызѣ Шварценбекъ, ему удалось въ первый разъ посѣтить Египеть и Святую землю. Эти 14 лѣтъ не прошли безслѣдно для Авраама Сергѣевича. «Пройдя половину пути жизни», говоритъ онъ въ предисловіи къ описанію перваго своего путешествія въ Святую землю, «я узналъ, что значитъ быть больнымъ душою. Волнуемый какимъ то внутреннимъ безпокойствомъ, я искалъ душевнаго пріюта, жаждалъ утѣшеній, нигдѣ ихъ не находилъ и былъ въ положеніи

*) ... dans la soirée, nous avons longuement causé avec lui. Il me semble un homme tres éclairé et plein de connaissances. Ayant lu et étudié les poètes russes et français, il n'est également pas étranger à la littérature allemande et paraît connaître aussi la langue et les œuvres des classiques romains. Cependant il préfère de beaucoup, comme tant d'autres du reste, le théâtre français aux sublimes créations dramatiques de Schiller, de Goethe, de Lessing, de Grillparzer etc. La triste Athalie le raisonneur Tancréd, le Cid si lourd, tout cela est à ses yeux infiniment au-dessus de Marie Stuart, de Jeanne d'Arc, d'Emilie Galotti, de Sapho, du superbe Goetz de Berlichingen... Notre discussion à ce sujet dura encore fort longtemps, mais nous ne pûmes jamais tomber d'accord.

человѣка, потерявшаго путь и бродячаго ощупью въ темнотѣ дѣса... Мысль о путешествіи въ Святую землю давно таилась во мнѣ, я не чуждъ былъ любопытства видѣть блестящій Востокъ; но Іерусалимъ утвердилъ мою рѣшимость—утѣшніе лобызать слѣды Спасителя міра, на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Онъ совершилъ тайну искупленія человѣчества, заставило меня превозмочь многія препятствія. Прочитывая эти слова, которыя такъ вѣрно изображаютъ тогдашнее состояніе духа Авраама Сергѣевича, на чтѣ оны самъ указываетъ въ описаніи втораго своего путешествія на Востокъ, невольно приходится сознаться, что это не тотъ уже молодой артиллерійскій полковникъ, съ которымъ мы познакомились на мызѣ Шварценбергъ; байронизмъ 20-хъ годовъ наложилъ на него свою печать, но, плата такъ сказать наружно, давъ современному настроенію общества, его задушевная черта—глубокая религіозность, не знавшая и недопускавшая никогда даже малѣйшаго сомнѣнія, выступаетъ на первый планъ. Не съ пытливымъ умомъ ученаго, не съ идеальными стремленіями поэта ѣдетъ уже Авраамъ Сергѣевичъ въ Святую землю, а съ вѣрующимъ сердцемъ православнаго паломника, съ искреннею теплою вѣрою къ Тому, кто для искупленія человѣчества не отступилъ отъ смерти—смерти же вѣрстой.

Выѣхавъ въ Октябрѣ 1834 г. изъ Россіи, Авраамъ Сергѣевичъ, черезъ Вѣну и Триэсть прибылъ въ Египетъ, поднялся вверхъ по Нилу и едва ли не первымъ изъ русскихъ путешественниковъ добрался до вторыхъ Нильскихъ пороговъ. Вернувшись въ Каиръ, онъ нашель городъ этотъ пораженнымъ чумою, чтѣ помѣшало ему поспѣть тогда, какъ онъ предполагалъ, Синай. Приближалось время Свѣтлой недѣли и онъ поспѣшилъ въ Іерусалимъ. Если еще въ Египтѣ, наталкиваясь на чудные остатки царства Фараоновъ, въ немъ отзывался челоѣкъ, полный классическихъ воспоминаній, то, разъ вступивъ въ пустыню, отдѣляющую Египетъ отъ земли Обѣтованной, онъ точно забылъ всѣ эти воспоминанія. Въ сердцѣ, въ умѣ и я полагаю, даже въ чемоданѣ его, у него была одна кнѣга—Бибія. Для того чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть первое изданіе его путешествія по Святой землѣ. Мы встрѣчаемся въ немъ только съ ссылками на тексты Священнаго писанія и тѣ малочисленныя, случайныя ссылки на творенія святыхъ отцевъ, древнихъ классиковъ или классиковъ Святой земли, какъ-то: Реланда и Кварезмія, едва ли не результатъ его позднѣйшихъ трудовъ, за время прошедшее отъ

его возвращенія въ Россію и до изданія въ 1838 г. его путешествія. Иностранная литература о Палестинѣ, не только ему современная, но даже древняя, была ему во время его перваго путешествія почти неизвѣстна, а съ русскими паломниками-писателями былъ онъ все незнакомъ.

Черезъ Газу и Рамлэ достигъ Авраамъ Сергѣевичъ Иерусалима. Посѣтивъ Иорданъ, Хевронъ и Веѳилъ, онъ обычнымъ путемъ поклонниковъ вернулся въ Яффу. Отсюда, черезъ Наблусъ и Самарію, посѣтилъ Назаретъ и западный берегъ Тиверіадскаго озера. Затѣмъ направился къ Кармилу и берегомъ моря до Бейрута, гдѣ покинулъ Святую землю. Посѣтивъ мимоходомъ Кипръ, Авраамъ Сергѣевичъ, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, долженъ былъ высадиться на малоазійскій берегъ въ Атталію и сухимъ путемъ проѣхалъ въ Смирну, посѣтивъ по дорогѣ города, упоминаемые въ Апокалипсисѣ. Изъ Смирны, берегомъ Троады, достигъ онъ Константинополя. Но годичное странствованіе не удовлетворило еще любознательности Авраама Сергѣевича; вмѣсто кратчайшаго пути на родину черезъ Одессу, онъ предпочелъ болѣе длинный и утомительный—черезъ Адрианополь, Софію, Нпшъ, Сербію, Венгрію и Галицію.

Изданное имъ. по возвращеніи въ Россію, описаніе путешествія было встрѣчено съ рѣдкимъ у насъ сочувствіемъ. Причины этого вниманія, особенно болѣе образованныхъ классовъ общества, заключались въ особенномъ интересѣ къ восточнымъ дѣламъ, который, благодаря политическимъ обстоятельствамъ, былъ возбужденъ во время появленія книги; въ извѣстномъ ученомъ лоскѣ, который былъ придавъ сочиненію и въ особенности, прежде всего, въ той теплотѣ чувствъ, которымъ проникнута вся книга. Въ обоихъ почти одновременно появившихся описаніяхъ Святой земли Андрея Николаевича Муравьева и Авраама Сергѣевича Норова выразились вполне сами составители ихъ. По силѣ и точности выраженій, по живописности описаній и по изяществу слога, безспорно, книга А. Н. Муравьева стоитъ выше книги Авраама Сергѣевича, но по образованности, по мягкому, такъ сказать вѣжливому слогу и по сердечности, конечно, послѣдній превосходитъ перваго.

Казалось, завѣтныя стремленія и многолѣтняя цѣль Авраама Сергѣевича были достигнуты: онъ видѣлъ Иерусалимъ, онъ лобызалъ гробъ Господень; но тутъ именно съ нимъ произошло то, что происходитъ съ большинствомъ посѣтившихъ Святую землю, съ какою бы

цѣлью ни было совершено ими это странствованіе: для ученыхъ ли изслѣдованій, для поклоненія ли Святымъ мѣстамъ или наконецъ, просто для прогулки. Только побывавъ въ ней, начинаешь ес дѣйствительно любить; только покинувъ ее, начинаешь чувствовать желаніе вновь вернуться и посѣтившій ее разъ, испытываетъ, если можно такъ выразиться, болѣзнь по Святой землѣ, какъ швейцарскіе уроженцы — болѣзнь по родинѣ. Общей участи не избѣгнулъ и Авраамъ Сергѣевичъ, съ возвращенія его въ 1835 г. въ Россію и до самой его смерти въ 1869 г. въ теченіе 34 лѣтъ, главнымъ мотивомъ его жизни становятся: Палестина, Иерусалимъ. Обстоятельства, жизнь, года разягиваютъ свои варіаціи; но среди этихъ варіацій звучитъ постоянно неизмѣнно одинъ мотивъ, одна струна—это глубокое религиозное чувство, нашедшее олицетвореніе въ любви къ Святой землѣ, въ желаніи ее изучить, ее вновь посѣтить.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія Авраамъ Сергѣевичъ женился. На сколько былъ счастливъ этотъ бракъ, видно изъ того благоговѣйнаго воспоминанія къ памяти жены, которымъ дышетъ каждая страница настоящей книги. Въ 1853 г. онъ былъ назначенъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Время его министерства совпадаетъ съ временемъ восточной войны, когда едва ли представлялось возможнымъ сдѣлать многое для образованія. Конечно, здѣсь не мѣсто разбирать его заслуги, какъ государственнаго человѣка; насъ болѣе интересуетъ Авраамъ Сергѣевичъ какъ паломникъ-писатель, тѣмъ не менѣе, не можемъ пройти молчаніемъ одного знаменательнаго факта, характеризующаго отношеніе къ нему нашего ученаго сословія. Когда въ 1858 г. Авраамъ Сергѣевичъ покинулъ Министерство, всѣ члены Академіи Наукъ, въ нарочно назначенномъ для сего торжественномъ засѣданіи 4 апрѣля того же года, благодарили его за постоянное покровительство, которое онъ оказывалъ ученымъ предпріятіямъ Академіи, при чемъ академикъ И. И. Давыдовъ высказалъ отъ имени своихъ сотоварищей, между прочимъ, слѣдующее: «Но въ человѣкѣ для человѣка есть достоинство высшее всѣхъ талантовъ—это мягкое, теплымъ чувствомъ растворенное сердце. Вы и этимъ всечеловѣческимъ достоинствомъ снискали себѣ любовь высшаго ученаго сословія. Мы не забудемъ тѣхъ пріятныхъ вечеровъ, когда вы, среди близкихъ и родныхъ вашихъ, въ сообществѣ первостепенныхъ сановниковъ, окружали себя академиками и профессорами. Какъ благодушный семьянинъ - хозяинъ, вы заставляли

всѣхъ забывать различіе общественнаго старѣйшинства; для васъ, въ вашемъ семействѣ, всѣ гости были равно дороги и любезны». Такое выраженіе чувствъ министру, оставившему свой постъ, не есть явленіе обыденное и всецѣло принадлежитъ не государственному музу, а человѣку.

Но всѣ эти обстоятельства жизни, были для Авраама Сергѣевича, какъ мною было уже высказано выше, варіаціи на главную тему, а такою была его привязанность къ Святой землѣ. Тотчасъ послѣ возвращенія на родину въ 1835 г., Авраамъ Сергѣевичъ принимается за изученіе Святой земли, церковной исторіи и съ этою цѣлью начинаетъ собирать все, что было написано объ этомъ предметѣ; а кто зналъ его, знаетъ также, что собраніе книгъ для него не значило только постановку ихъ на полку. Вслѣдъ одно за другимъ издаетъ онъ: Путешествіе по Святой землѣ, по Египту и Нубіи и къ семи церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ. Изъ нихъ первое выдерживаетъ три изданія, а послѣднія два—каждое по два изданія. Каждое новое изданіе обогащалось новыми приложениями, примѣчаніями и комментаріями—результатъ его занятій. Но не этимъ однимъ, такъ сказать, кабинетнымъ трудомъ знакомится онъ съ интересующимъ его предметомъ; онъ жаждетъ живаго слова, живаго обмѣна мыслей. Онъ вступаетъ въ переписку со всѣми іерархами Восточной церкви и ни одинъ изъ нихъ не посѣтилъ Петербурга, не испыталъ на себѣ его радушнаго гостепріимства. Извѣстный изслѣдователь Святой земли и Восточной церкви, г. Вильямсъ, ѣдетъ въ 1845 г. въ Россію, чтобъ въ нашихъ бібліотекахъ, въ разговорѣ съ нашими іерархами, почерпнуть новыя свѣдѣнія объ интересующемъ его вопросѣ. Задержанный льдами въ Кронштадтѣ, первый привѣтъ на русской землѣ получаетъ онъ отъ Авраама Сергѣевича и переписка, начатая тогда, продолжается слишкомъ 20 лѣтъ. Тишендорфу необходимо для его изслѣдованій побывать на Востокѣ и вотъ опять цѣлая переписка, результатомъ которой является пріобрѣтеніе Россіею знаменитаго Синайскаго кодекса. Но не одинъ Востокъ занимаетъ Авраама Сергѣевича исключительно, одинаково интересуется онъ всѣмъ, что касается до православія: всѣми тѣми, которые крестятся русскимъ крестомъ. Отсюда его переписка съ нынѣшнимъ митрополитомъ московскимъ Иннокентіемъ, тогдашнимъ епископомъ камчатскимъ, о результатахъ его миссіонерской дѣятельности на дальнемъ сѣверѣ, съ протоіереемъ М. Ѡ. Раевскимъ о положеніи пра-

пославія у западныхъ славянъ и многими другими. Когда послѣ восточной войны, наше правительство обратило вниманіе на Палестину, образовало палестинскій комитетъ, стало собирать пожертвованія для улучшенія быта нашихъ поклонниковъ; конечно, Авраамъ Сергѣевичъ не могъ не откликнуться сочувственно къ этому благовому дѣлу, такъ долго его интересующему. «Могу сказать», писалъ онъ въ появившейся тогда его статьѣ: Нѣсколько мыслей стараго паломника, «положа руку на сердце, что едва ли пропелъ для меня одинъ день такъ, чтобы память о Святой землѣ не была мнѣ присною».

Одною изъ причинъ, побудившихъ Авраама Сергѣевича просить увольненія онъ занимаемаго имъ мѣста Министра Народнаго Просвѣщенія, было безпокойство о здоровьѣ любимой имъ жены. Опасенія его, къ несчастію, оправдались и въ 1860 г. онъ потерялъ ее. Трое дѣтей его умерли въ малолѣтствѣ. Такимъ образомъ, для Авраама Сергѣевича совпали почти вмѣстѣ—конецъ его служебной дѣятельности и копецъ его семейной жизни. Какъ 25 лѣтъ назадъ, стоялъ онъ опять одинъ на пути жизни; но ни прежнихъ надеждъ, ни прежнихъ желаній благъ земныхъ для него болѣе не существовало. Одно только привязывало его къ землѣ, это—желаніе еще разъ поклониться животносному гробу Господню, еще разъ насладиться съ Елеонской горы величественно-грустною панорамю Иерусалима. Это послѣднее желаніе старца, закончившаго свои расчеты съ жизнью, ему удалось исполнить въ 1861 году.

Въ это второе путешествіе, описаніе котораго составляетъ предметъ настоящей книги, Авраамъ Сергѣевичъ посѣтитъ только Иерусалимъ съ его ближайшими окрестностями и черезъ Египетъ—Синай, который ему не удалось посѣтить въ первое свое путешествіе.

Прощаясь съ Святою землею, «онъ чувствовалъ», по собственному его выраженію, «какъ что-то оторвалось отъ сердца». И онъ былъ правъ; у 66-ти лѣтняго одиокаго старца, порвалась послѣдняя нить, привязывавшая его къ землѣ; послѣднее желаніе его было удовлетворено и убѣжденный, что въ третій разъ ему не удастся посѣтить земной Иерусалимъ, онъ обратилъ всѣ свои помыслы къ Иерусалиму небесному.

По возвращеніи въ Россію, Авраамъ Сергѣевичъ принялся, такъ сказать, за ликвидацию своихъ житейскихъ дѣлъ. Первою заботою его было обезпеченіе будущности его библиотеки, составлявшей его любимое дѣтище. Правительство купило ее для Румянцевскаго музея

въ Москвѣ, предоставивъ Аврааму Сергѣевичу передать ее только послѣ его смерти. *) Успокоенный на счетъ будущности своей библиотеки, Авраамъ Сергѣевичъ обратилъ вниманіе на изданіе древнихъ нашихъ паломниковъ - писателей, начавъ со старѣйшаго изъ нихъ—игумна Данила. Еще въ 1858 г., при 3-мъ изданіи перваго своего путешествія, Авраамъ Сергѣевичъ приложилъ къ нему свои замѣчанія на хожденіе Данила. Во время втораго своего путешествія, онъ обращалъ преимущественно свое вниманіе на соглашеніе разсказа Данила съ дѣйствительностью. Такимъ образомъ, путешествіе игумна Данила было издано Археографическою коммиссіею подъ его редакціею и снабжено имъ многими весьма драгоцѣпными примѣчаніями. Еще большую научную пользу слѣдуетъ приписать изданному почти одновременно Авраамомъ Сергѣевичемъ французскому переводу Данила, чѣмъ была дана возможность европейскимъ ученымъ познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ памятникомъ русской письменности о Святой землѣ времянь крестоносцевъ. Это же путешествіе было издано Авраамомъ Сергѣевичемъ и на греческомъ языкѣ. Вслѣдъ за этимъ приступилъ онъ къ изданію Новаго завѣта на греческомъ и славянскомъ языкахъ и каталога своей библиотеки, котораго онъ успѣлъ издать, однакоже, только первую часть, заключающую въ себѣ 1941 названіе.

Но среди всѣхъ этихъ занятій послѣднихъ семи лѣтъ его жизни, онъ постоянно трудился надъ описаніемъ своего втораго путешествія. Хотя изъ помѣтокъ на черновой рукописи видно, что она была начата еще въ Иерусалимѣ 14 ноября 1861 г. и окончена здѣсь 19 марта 1867 года, но въ дѣйствительности, рукопись никогда не была окончена; до послѣдней минуты своей жизни Авраамъ Сергѣевичъ ее дополнялъ, исправлялъ и дѣлалъ отмѣтки.

Описаніе втораго путешествія Авраама Сергѣевича въ Иерусалимъ и на Синай составляетъ необходимое дополненіе къ описанію перваго путешествія. Оно заключаетъ въ себѣ относительно Святой земли только изложеніе пути отъ Яффы до Иерусалима и въ этомъ послѣднемъ, а равно въ ближайшихъ его окрестностяхъ, то, что не вошло, по той или другой причинѣ, въ первое описаніе; затѣмъ изло-

Г *) Съ приобретеніемъ въ прошломъ году Императорскою публичною библиотекою книгъ покойнаго Т. Тоблера, можно сказать, что у насъ въ Россіи сосредоточено теперь богатѣйшее собраніе всего, напечатаннаго о Святой землѣ.

женіе пути на Синай, гдѣ Авраамъ Сергѣевичъ могъ говорить, какъ очевидецъ, только о самомъ монастырѣ. Сравнивая издаваемое нынѣ описаніе втораго путешествія, слѣдуетъ сознаться, что въ общемъ оно уступаетъ первому. Это послѣднее, вполнѣ оконченное самимъ Авраамомъ Сергѣевичемъ, представляетъ болѣе цѣлостности, болѣе однообразія. Что касается до втораго, то оно, какъ уже было сказано, осталось неотдѣланнымъ; но кромѣ этого главнѣйшаго его недостатка, въ немъ есть и другой недостатокъ—слѣдствіе 34-хъ лѣтнихъ занятій Авраама Сергѣевича. Посѣщать, а тѣмъ болѣе описывать Святую землю можно только или умомъ, или сердцемъ; соединять же оба вмѣстѣ почти невозможно. Между тѣмъ Авраамъ Сергѣевичъ, съ одной стороны, былъ слишкомъ человѣкъ сердца, для того чтобъ посѣщать Святую землю однимъ умомъ; съ другой стороны, его занятія палестинскою литературою дѣлали то, что вынесенное имъ изъ этихъ занятій знаніе, весьма часто, даже помимо его воли, отодвигало на второй планъ ту задушевность, ту мягкость, которыя составляютъ прелесть его перваго путешествія. Не смотря, однакоже, на вышесказанные недостатки, описаніе втораго путешествія, при общей скудости нашей палестинской литературы, въ особенности ученой, при полномъ почти незнакомствѣ нашемъ съ трудами западныхъ паломниковъ, представляется совершенно исключительнымъ явленіемъ и въ этомъ отношеніи оно не будетъ бесполезно для русскихъ, желающихъ изучить и ближе ознакомиться съ Святою землею.

В. Хитрово.